

О понятии понимаемости и его прикладном значении в судебной лингвистической экспертизе

А. В. Винников

Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт образовательных программ»

ул. Социалистическая, 88, офис 100, 344002, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: info@otkrmir.ru

Статья посвящена философскому и прикладному обоснованию доступности юридически значимого смысла – понимаемости – как категории юрислингвистики и судебной речеведческой экспертизы. Актуальность исследования связана с тем, что в судебной практике все чаще требуется оценивать наличие языкового смысла вместе с возможностью его воспроизведения адресатом – потребителем финансовой и иной услуги, участником процесса, массовой аудиторией или адресатом конфликтного высказывания. Проблема исследуется исходя из сущности понимаемости как свойства: принадлежит ли оно объекту независимо от воспринимающего субъекта, создается ли субъектом или возникает как отношение между объектом, адресатом и ситуацией. Цель статьи состоит в разработке философски обоснованной, но практически полезной модели понимаемости, пригодной для экспертного применения. Методологическую основу составляют формально-семантический, логико-структурный, прагматический и адресатно-типологический анализ. Показано, что для экспертизы недостаточны как радикальный объективизм, игнорирующий адресата, так и субъективизм, сводящий понимание к индивидуальному впечатлению. Предлагается реляционная модель: текст имеет проверяемые структурные, семантические и прагматические грани, но свойство быть понятным выявляется только в их соотношении с типовым адресатом и правовым контекстом. Уточняются критерии структурной, терминологической, контекстуальной и адресатной непонимаемости. Прикладная часть опирается на примеры анализа договорной документации инвестиционного страхования жизни и конфликтных инвективных высказываний. Делается вывод о возможности проверяемой экспертной оценки интерпретационной доступности как условия реконструкции юридически значимого смысла, осознанности волеизъявления и процессуальной убедительности экспертного заключения в делах, где смысл текста имеет самостоятельное доказательственное значение для суда и участников правового конфликта.

Ключевые слова: понимаемость, непонимаемость, юрислингвистика, судебная экспертиза, адресат.

On the Concept of Comprehensibility and Its Applied Significance in Forensic Linguistic Examination

A. V. Vinnikov

*Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education "Institute of Educational Programs"
88 Sotsialisticheskaya St., office 100, 344002, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: info@otkrmir.ru*

The article substantiates comprehensibility as a category of legal linguistics and forensic linguistic examination. Its significance is determined by the growing need to assess not only the presence of linguistic meaning, but also the possibility of its reconstruction by an addressee: a consumer of a financial service, a participant in proceedings, mass audience or the recipient of a conflict-related utterance. The issue is considered through a philosophical dispute concerning the status of properties: whether a property belongs to an object independently of the perceiving subject, or is produced by the subject, or emerges as a relation between an object, an addressee and a situation. The aim is to develop a philosophically grounded model of comprehensibility suitable for expert application. The study uses formal-semantic, logical-structural, pragmatic and addressee-typological analysis. The article argues that expert practice can solely rely neither on radical objectivism, which ignores the addressee, nor on subjectivism, which reduces understanding to an individual impression. A relational model is proposed: a text has verifiable structural, semantic and pragmatic features, yet the property of being comprehensible becomes apparent only when correlated with a typical addressee and a legal context. The criteria of structural, terminological, contextual and addressee-related incomprehensibility are specified. The applied section draws on investment-linked life

insurance and conflict-related invective utterances. The conclusion is that comprehensibility can be assessed by means of special linguistic knowledge as a condition for reconstructing legally relevant meaning.

Key words: comprehensibility, incomprehensibility, legal linguistics, forensic examination, addressee.

1. Постановка проблемы

В юрлингвистике вопрос о понимаемости – доступности смысла – обычно возникает в прикладном виде: понял ли адресат содержание договора, процессуального документа, перевода, публичного обвинения или инвективного сообщения. За этим практическим вопросом стоит более общий философский вопрос: что именно оценивает эксперт, когда говорит, что текст понятен или непонятен? Если это свойство сводить только к состоянию сознания конкретного лица, оно выпадает из предмета лингвистической экспертизы и превращается в психологический факт. Если же считать его чисто внутренним свойством текста, исчезает адресат, без которого понимание вообще не состоится.

В ранее предложенной прикладной модели понимаемость определялась как свойство высказывания, выражающее степень возможности адресата корректно реконструировать юридически значимое содержание текста без привлечения специальных знаний и внешних интерпретационных ресурсов сверх разумных ожиданий, связанных с его статусом [Винников 2023: 83-102]. Эта дефиниция нуждается в философском уточнении: данное свойство относится к тексту, но не замыкается внутри текста; учитывает адресата, но не растворяется в индивидуальной реакции адресата.

Особенно отчетливо проблема проявляется в судебных спорах о финансовых услугах, защите чести, достоинства и деловой репутации, оскорблениях, угрозах и переводах юридически значимых документов. В этих случаях суду важно не субъективное заявление стороны «я понял» или «я не понял», а объективная воспроизводимость смысла типовым адресатом. Именно поэтому способность текста быть восстановленным адресатом может быть квалифицирована как объект специального лингвистического знания.

2. Свойство вещи, конструкция субъекта и реляционная модель

В философии можно выделить три базовых подхода к статусу свойств. Первый подход исходит из того, что вещь обладает свойствами независимо от воспринимающего субъекта. Эта линия восходит к аристотелевской трактовке субстанции и качества, а в новоевропейской традиции выражается в признании устойчивых признаков вещи, которые могут быть восприняты человеком более или менее полно [Аристотель 1978; Локк 1985]. Для экспертной методологии эта позиция важна постольку, поскольку она позволяет говорить об объективных языковых признаках текста: структуре, номинациях, предикатах, эксплицитности, отсылочности и терминологической плотности.

Второй подход связан с антиреалистической и конструктивистской традицией. В сильной форме он утверждает, что свойства не обнаруживаются в объекте как готовые сущности, а формируются в акте восприятия, категоризации и описания. Кантовская постановка вопроса о явлении и вещи самой по себе показывает, что предмет опыта дан субъекту не вне условий восприятия и мышления, а через них [Кант 1994]. В применении к языку это означает, что смысл и оценка высказывания не могут быть описаны без учета адресата, культурной нормы, жанра и коммуникативной ситуации.

Третий подход можно назвать реляционным. Он не сводит свойство к произвольному впечатлению субъекта, но показывает, что ряд свойств проявляется только в отношении. Локковское различие первичных и вторичных качеств показывает, что цвет, вкус или запах не являются ни простой фантазией субъекта, ни механическим свойством вещи вне воспринимающего организма [Локк 1985]. В философии языка и прагматике сходную функцию выполняет анализ речевого действия: высказывание получает юридически и социально значимую силу из словарного значения слов, условий употребления, адресата, намерения, конвенции и ситуации [Остин 1986; Сёрль 1986].

Для теории интерпретационной доступности наиболее продуктивна именно реляционная модель. Критерий понятности не измеряется как масса, длина или количество слов; он ближе к таким свойствам, как пригодность, доступность, опасность, оскорбительность, удобочитаемость. Эти свойства опираются на признаки самого объекта, но устанавливаются через отношение объекта к адресату, норме и ситуации. Поэтому юридически значимый текст следует оценивать не как вещь «саму по себе», а как сообщение, которое должно быть восстановлено и усвоено типологически заданным адресатом.

Для судебного эксперта эта философская развилка имеет практический смысл. Анализ доступности смысла нельзя подменять простым указанием на то, что слова в тексте имеются и грамматически связаны между собой. Суду важна способность языковой оболочки донести юридически значимое содержание до адресата, которому она предназначена.

3. Понимаемость как объект судебно-лингвистического знания

Судебная лингвистическая экспертиза не исследует внутренние переживания адресата. Ее предметом являются языковые и коммуникативные факты, доступные проверке: структура текста, характер номинаций, способ предикации, степень экспликации, наличие неоднозначности и адресатная соразмерность. Здесь существенно положение Л. В. Залило о том, что экспертный вывод должен опираться на проверяемые признаки текста, без подмены исследования психологической реконструкцией индивидуального восприятия [Залило 2018: 117-124; Россинская 2020].

Такой подход согласуется с общей логикой судебного речеведения. Эксперт устанавливает лингвистические признаки высказывания: наличие утверждения о фактах, оценочности, инвективности, угрозы, коммуникативной направленности, адресата и способа выражения [Баранов 2007: 34-41; Голев 2000: 127-140]. Анализ

интерпретационной доступности дополняет этот ряд: он показывает, насколько выявленный смысл может быть восстановлен и усвоен тем адресатом, которому текст фактически или нормативно предназначен [Бринев 2009; Шунейко, Авдеенко 2020].

Методологически необходимо разводить доступность смысла и правильность языка. Грамматически корректный документ может быть непонятным вследствие избыточной терминологичности, сложной отсылочной структуры или скрытого распределения существенных условий по разным документам. И наоборот, разговорное инвективное сообщение может быть грамматически нарушенным, но предельно ясным в своем уничижительном или угрожающем смысле. Отсюда вытекает практический вывод: данный критерий не сводится к нормативной грамотности или простоте текста.

4. Типы непонимаемости

В прикладном плане целесообразно выделять четыре основных типа смысловой недоступности. Структурная непрозрачность возникает при нарушении логико-семантической организации текста: выводы не следуют из посылок, существенные условия разнесены по разным фрагментам, а адресат вынужден достраивать связи самостоятельно. Терминологическая непрозрачность связана с использованием специальных понятий без экспликации или с употреблением общеязыковых слов в специальном юридическом или ином значении.

Контекстуальная затрудненность обусловлена тем, что текст опирается на фоновые знания, которых нельзя разумно ожидать от соответствующего адресата. В договорной документации, например, это выражается в отсылках к правилам, памяткам, тарифам, приложениям, инвестиционным стратегиям и нормативным формулам, без которых невозможно понять реальные последствия сделки. Адресатная несоразмерность возникает при несоответствии текста модели адресата: документ формально предназначен потребителю, но написан так, как если бы адресатом был профессиональный юрист, страховщик или финансовый аналитик. В реальном экспертном материале эти дефекты обычно не встречаются по отдельности. В одном тексте могут соединяться сложная синтаксическая организация, неразъясненная терминология, распределение смысла между несколькими документами и несоразмерность адресату. Тогда затруднение понимания возникает как результат самой организации текста: адресат вынужден собирать юридический смысл из разрозненных, терминологически нагруженных и не всегда согласованных фрагментов.

5. Прикладная модель: индекс текста и индекс адресата

Для экспертных целей реляционную модель необходимо довести до процедуры, которую можно воспроизвести в экспертном заключении. Лингвистическую понимаемость можно выразить через синтетический показатель, основанный на соотношении интегрального индекса текста и интегрального индекса адресата. Это рабочая экспертная рамка: она переводит общий тезис о доступности смысла в простой перечень проверяемых признаков.

Интегральный индекс текста отражает степень сложности или дефектности текстовой организации. В минимальной модели учитываются четыре группы признаков: логико-структурная связность, семантическая однозначность, терминологическая соразмерность и прагматико-адресатная экспликация. Каждый показатель может оцениваться бинарно: 0 – признак не создает существенного препятствия восстановлению смысла; 1 – признак нарушен и повышает интерпретационную нагрузку. Суммарный индекс текста варьируется от 0 до 4.

Логико-структурный показатель фиксирует, следуют ли выводы из посылок, связаны ли условия с последствиями, не рассредоточены ли существенные элементы по разным частям текста. Семантический показатель отвечает за устойчивость юридически значимого смысла: есть ли один реконструируемый смысл или несколько конкурирующих толкований. Терминологический показатель демонстрирует, соразмерны ли термины адресату и разъяснены ли они. Прагматический показатель нужен для оценки того, распознает ли адресат само коммуникативное действие текста: обязанность, риск, запрет, предупреждение, угрозу, унижение или сообщение о факте.

Интегральный индекс адресата отражает допустимый объем специальных знаний и интерпретационных ресурсов, которые разумно ожидать от адресата. В простой шкале массовому адресату соответствует значение 1, широкой непрофильной аудитории – 2, профессиональной группе – 3, узким специалистам – 4. Эта шкала не измеряет умственные способности конкретного лица. Она фиксирует коммуникативно и институционально допустимый для конкретной группы адресатов уровень сложности.

Синтетическое правило формулируется однозначно: если индекс текста не превышает индекс адресата, юридически значимый смысл в основном может быть восстановлен данным адресатом; если индекс текста превышает индекс адресата, текст потенциально непонимаем или требует специальных разъяснений. Именно это соотношение позволяет объяснить, почему один и тот же фрагмент может быть доступен профессиональному сообществу и закрыт для потребителя или массовой аудитории.

Индексная схема не должна превращать экспертизу в арифметику. Ее назначение скромнее и практичнее: дать возможность эксперту показать, за счет каких признаков текст становится доступным или, напротив, требует от адресата специальных знаний, которыми тот нормативно не обязан обладать. Эксперт не просто утверждает, что текст сложен. Он указывает, какие параметры нарушены, каким является предполагаемый адресат и почему дисбаланс между ними влияет на воспроизводимость юридически значимого смысла в сознании адресата.

В более развитой версии методики возможна весовая дифференциация показателей. Так, например, семантическая неоднозначность существенного условия договора может иметь больший вес, чем отдельная терминологическая трудность. Отсылка к внешнему документу может быть нейтральной в профессиональном договоре и критической в потребительской документации. Поэтому расчетная модель остается инструментом

экспертного рассуждения, но не механической заменой лингвистического анализа. Практические примеры использования предложенной прикладной модели понимаемости рассмотрены ниже.

6. Договорная документация инвестиционного страхования жизни

В экспертизе договорной документации инвестиционного страхования жизни проблема коммуникативной доступности проявляется весьма отчетливо. Адресатом является физическое лицо, не обладающее специальной подготовкой в страховании, инвестициях и финансовом праве. При этом юридически значимое содержание распределяется между полисом, памяткой страхователя, заявлениями и иными документами. Адресат должен понять отдельные слова, характер услуги, соотношение страховой и инвестиционной составляющей, риски доходности, порядок возврата средств и последствия досрочного расторжения.

В таком материале грамматическая корректность текста не устраняет утрату смысловой доступности. Напротив, формально правильная юридико-финансовая терминология может создавать иллюзию ясности при фактической недоступности ключевого смысла. Если из текста нельзя без специальных знаний реконструировать то, что доходность не гарантирована, что возврат средств зависит от условий договора, а инвестиционный риск несет страхователь, то понимание является частичным или искаженным. Такой результат характеризует не интеллектуальные способности адресата; он указывает на несоразмерность текста его нормативной адресатной модели.

Отсюда следует вывод: договор потребительской финансовой услуги должен оцениваться по способности обеспечить воспроизводимость юридически значимого смысла, а не по одному лишь наличию формальных условий. Для эксперта это означает необходимость анализировать текст как единый информационный массив, состоящий из набора изолированных пунктов. Коммуникативная доступность договора определяется не количеством раскрытых сведений, а скорее тем, способен ли адресат связать их в целостную модель своих прав, рисков и обязанностей.

Пример 6.1. При ответе на вопрос о понимаемости представленной для экспертизы договорной документации инвестиционного страхования жизни исследовался весь массив материалов, предъявленных потребителю: полис, памятка, заявление и связанные с ними условия. При этом в тексте была установлена «иллюзия гарантированности» – состояние восприятия, при котором адресат ошибочно считает доход гарантированным, риски отсутствующими или несущественными. Была сделана оценка по индексам: логико-структурный показатель – 1, поскольку юридически значимое содержание рассредоточено между несколькими документами; семантический показатель – 1, поскольку адресат должен различить страховую форму, инвестиционную составляющую, риск и негарантированность дохода; терминологический показатель – 1, поскольку используются финансово-страховые понятия, требующие специальной подготовки; прагматический показатель – 1, поскольку потребитель может не восстановить правовую природу услуги и последствия волеизъявления. Интегральный показатель текста ИТ = 4. Показатель адресата ИА = 2, поскольку речь идет о широкой непрофильной аудитории потребителей, от которой нельзя нормативно ожидать профессионального страхового, инвестиционного и правового анализа. Синтетическое соотношение: ИТ > ИА. Вывод эксперта: договорный массив обладает сниженной коммуникативной доступностью для типового потребителя; формальное предоставление сведений не обеспечивает их воспроизводимость как целостной модели прав, рисков и обязанностей, а потому создает риск частичного или искаженного понимания.

7. Инвективные высказывания и универсальная доступность смысла

Иной тип материалов, содержащих конфликтные инвективные высказывания. В них часто отсутствует нормативная грамматика, нарушена синтаксическая связность, используется жаргонная или обценная лексика. Однако именно такие тексты могут обладать высокой доступностью уничижительного смысла. Слова и выражения, функционирующие как сильные социально-языковые мемы, не требуют сложной интерпретации: они непосредственно маркируют адресата как ничтожного, презируемого, трусливого, аморального или социально неполноценного.

Меметический подход позволяет объяснить, почему инвективная лексика часто обладает широкой или универсальной распознаваемостью. Р. Докинз описывает мем как культурный репликатор, передаваемый от человека к человеку [Докинз 2013]. В конфликтном дискурсе устойчивые бранные номинации работают как готовые смысловые формы. Они не требуют сложной инференции: адресат и аудитория обычно сразу распознают уничижительную направленность слов, поскольку такие единицы закреплены в речевой практике как маркеры презрения, социальной дискредитации и агрессии [Голев 2000: 127-140; Винников 2023: 83-102].

Для судебной экспертизы отсюда следует практический критерий. При оценке оскорбления, угрозы, речевой агрессии, а также сведений, затрагивающих честь, достоинство и деловую репутацию, эксперт должен различать смысловую непрозрачность сложного юридического текста и высокую распознаваемость агрессивного речевого акта. Наличие просторечия, обценности и грамматических нарушений не снижает понятность инвективного смысла, если соответствующие лексемы устойчиво распознаются типовым адресатом как уничижительные.

Экспертная оценка меметически понимаемой доступности смысла особенно наглядна на материале публичных конфликтных сообщений в мессенджере.

Пример 7.1. В общедоступном статусе мессенджера размещается серия сообщений о владельце соседнего объекта предпринимательской деятельности; адресат не называется полным именем, но указывается через фотографии, имя, место деятельности и роль «владельца соседнего кафе». Уже сама конструкция идентификации показывает, что автор рассчитывает на узнаваемость адресата кругом знакомых и клиентов.

Цитата: «теперь 310 участников нашей группы знают чуть больше про владельца соседнего кафе»; далее

используется усиление масштаба: «почти 500 человек знают, что ты ...». Оценка по индексам: логико-структурный показатель – 0, поскольку высказывание построено как простая демонстрация публичного распространения сведений; семантический показатель – 0, поскольку смысл социального предъявления адресата группе восстанавливается устойчиво; терминологический показатель – 0, поскольку специальных терминов, закрывающих смысл от массовой аудитории, нет; прагматический показатель – 0, поскольку коммуникативное действие распознается как публичное тиражирование негативного образа. Интегральный индекс текста: ИТ = 0. Индекс адресата: ИА = 1, поскольку адресатом выступает массовая или групповая аудитория с базовой социальной компетенцией. Синтетическое соотношение: ИТ не превышает ИА. Вывод: смысл сообщения обладает универсальной или широкой доступностью; аудитория должна понять не сложное доказательство, а меметически передаваемый сигнал групповой дискредитации.

Пример 7.2. В личной переписке и голосовых обращениях адресату навязывается образ социально ничтожного, трусливого и зависимого человека, а затем этот образ соединяется с практически понятным давлением. Цитата: «Ты никто, понял?»; «Ты ничего из себя не представляешь»; «Ты не мужик. Ты – телка»; «Еще раз появишься здесь, разговор будет другой»; «И я тебя приглашаю на ринг, пообщаться». Оценка по индексам: логико-структурный показатель – 0, поскольку адресация и направленность речевого акта выражены прямо; семантический показатель – 0 для уничижительных номинаций, поскольку социальные оппозиции «кто-то – никто», «мужик – не мужик», «сильный – слабый» считываются без специальной подготовки; терминологический показатель – 0, поскольку специальных терминов нет; прагматический показатель – 1, поскольку отдельные формулы давления выражены косвенно и требуют учета конфликтного сценария. Интегральный индекс текста: ИТ = 1. Индекс адресата: ИА = 1, поскольку адресатом является обычный участник бытового конфликта, обладающий базовой социальной и языковой компетенцией. Синтетическое соотношение: ИТ не превышает ИА. Вывод: уничижительный смысл и общий сценарий давления коммуникативно доступны адресату; точная правовая квалификация угрозы может требовать отдельного анализа, но лингвистически распознается сообщение о социальном унижении и возможных негативных последствиях при определенном поведении.

Особенно важно это для дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Унижительность, оскорбительность или порочащий эффект выражения предполагают распознавание негативной формы индивидуальным или коллективным адресатом. Если выражение непонятно соответствующей аудитории, оно не выполняет функции унижения или социальной дискредитации. *Такая инвектива подобна брани на неизвестном языке: акустически или графически она может быть предъявлена адресату, но без распознавания ее значения не формирует того коммуникативного результата, который необходим для вывода о речевом унижении. Интерпретационная доступность поэтому выступает условием действия инвективного или порочащего мема: только распознанная негативная номинация способна быть воспринята как умаляющая честь, достоинство или деловую репутацию.*

Квалификация лексем на основе перебора словарных вариантов с пометами «бран.», «груб.», «прост.», «уничиж.», «оскорб.» приводит к зависимости экспертного вывода от субъективно выбранного словаря. В нашем подходе решающей является очевидная (аксиоматичная) коммуникативная функция лексемы в конкретном речевом акте.

8. Значение для юрислингвистики

Реляционная модель доступности смысла позволяет уточнить предмет юрислингвистики. Она показывает, что эксперт исследует не субъективное впечатление лица, а воспроизводимость юридически значимого содержания в заданной коммуникативной ситуации. Это дает возможность единообразно анализировать разные объекты: договоры, процессуальные документы, экспертные заключения, переводы, публичные высказывания и частную конфликтную коммуникацию.

Доступность смысла связывает языковую форму с юридическим последствием. В этом ее прикладная ценность для юрислингвистики: эксперт показывает, как из структуры фразы, терминологической плотности, адресации или инвективной номинации возникает юридически значимый результат – осознанное волеизъявление, заблуждение, унижение, угроза, дискредитация или отсутствие такого результата.

В экспертной практике возможны две типичные крайности. Первая – считать любой текст понятным, если он грамматически корректен и содержит формально необходимые сведения. Вторая – объявлять критерий смысловой доступности непроверяемым, поскольку разные люди понимают тексты по-разному. Рабочая позиция находится между этими крайностями: эксперт ищет проверяемые признаки, по которым можно показать, почему конкретный адресатный тип способен или не способен восстановить юридически значимый смысл.

Возможная в этой связи ошибка судебной практики состоит в том, что наличие спорного текста может отождествляться с наличием понимания его содержания. Между тем юридически значимое сообщение может быть предъявлено адресату формально и одновременно остаться для него непередаваемым на язык практического решения: что он подписывает, чем рискует, от чего отказывается и какие последствия наступят после совершения действия.

Заключение

Юридически значимый текст следует рассматривать сквозь призму доступности его смысла для типового адресата. Ее нельзя измерить как длину фразы или число терминов, или выразить исключительно в терминах психологии адресата. Эксперт работает с промежуточной областью: с теми признаками текста, которые затрудняют или обеспечивают восстановление смысла в сознании адресата. Основание такого вывода находится в структуре, семантике, терминологии и прагматической организации высказывания; проявление определяется соотношением этих признаков с типовым адресатом, коммуникативной ситуацией и правовым контекстом.

Для судебной лингвистической экспертизы такой подход имеет практический смысл. Он позволяет исследовать юридически значимые документы на предмет доступности их содержания, отличать частичное и искаженное восприятие от полного, а также выявлять случаи высокой распознаваемости инвективного или порочащего смысла. В делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, об оскорблении и речевой агрессии интерпретационная доступность является предварительным условием юридически значимой унизительности: *если аудитория не способна распознать значение выражения, нельзя говорить о реальном умалении достоинства, социальной дискредитации или унизительном эффекте высказывания.*

Литература

- Аристотель. Категории / Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М., 1978.
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М., 2007.
- Винников А. В. О специальных знаниях в оценке понимаемости судебного перевода: лингвистика и меметика / Судебная экспертиза. – 2023. – № 2 (74). – С. 83–102.
- Голев Н. Д. Конфликт глазами лингвиста / Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 127–140.
- Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013.
- Залило Л. В. Юридическая лингвистика и экспертная оценка текста. М., 2018.
- Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Дж. Локк. Сочинения: в 3 т. Т. 1. М., 1985.
- Остин Дж. Л. Слово как действие / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.
- Сёрль Дж. Р. Что такое речевой акт? / Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 151–169.
- Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / К. И. Бринев ; под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2009.
- Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном и уголовном процессе. М., 2020.
- Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Лингвистическая экспертиза : учебник и практикум для вузов. М., 2020.

References

- Aristotle (1978). Categories. In Works: in 4 vols. Vol. 2. Moscow (in Russian).
- Baranov, A. N. (2007). Linguistic examination of text: theory and practice. Moscow (in Russian).
- Dawkins, R. (2013). The Selfish Gene. Moscow (in Russian).
- Golev, N. D. (2000). Conflict through the eyes of a linguist. Legal Linguistics-2: Russian language in its natural and legal existence. Barnaul, 127-140 (in Russian).
- Kant, I. (1994). Critique of Pure Reason. Moscow (in Russian).
- Locke, J. (1985). An Essay Concerning Human Understanding. In Works: in 3 vols. Vol. 1. Moscow (in Russian).
- Ostin, J. L. (1986). How to do things with words. New in foreign linguistics. Issue 17. Speech act theory. Moscow, 22-129 (in Russian).
- Searle, J. R. (1986). What is a speech act? New in foreign linguistics. Issue 17. Speech act theory. Moscow, 151-169 (in Russian).
- Brinev, K. I. (2009). Theoretical linguistics and forensic linguistic examination. Barnaul (in Russian).
- Rossinskaya, E. R. (2020). Forensic examination in civil, arbitration and criminal proceedings. Moscow (in Russian).
- Shuneyko, A. A., Avdeenko, I. A. (2020). Linguistic examination: textbook and practicum for universities. Moscow (in Russian).
- Vinnikov, A. V. (2023). On special knowledge in assessing the comprehensibility of court translation: linguistics and memetics. Forensic Examination, 2(74), 83-102 (in Russian).
- Zalilo, L. V. (2018). Legal linguistics and expert assessment of text. Moscow (in Russian).

Citation:

- Винников А. В. О понятии понимаемости и его прикладном значении в судебной лингвистической экспертизе // Юрислингвистика. – 2026 – 41. – С. 44-49.
- Vinnikov A. V. (2026) On the Concept of Comprehensibility and Its Applied Significance in Forensic Linguistic Examination. Legal Linguistics, 41, 44-49.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License